

Феномен МГИМО

Послеюбилейные заметки

 А.В. Торкунов

МГИМО МИД России

Статья посвящена анализу МГИМО как уникального феномена в сфере дипломатического образования и исследований международных отношений. Автор выявляет ключевые факторы, обусловившие особый статус вуза, начиная с исторических предпосылок его создания и заканчивая современными вызовами. Подчеркивается, что МГИМО, во многом опираясь на традиции Лазаревского института восточных языков, смог органично соединить в своём образовательном процессе фундаментальные гуманитарные дисциплины, интенсивное изучение иностранных языков и прикладные навыки, необходимые для практической дипломатии. Особое внимание уделяется институциональным механизмам, которые позволили Университету не только выжить, но и развиваться, несмотря на идеологические ограничения и политические кризисы. Анализируются факторы, формирующие академическую среду и интеллектуальный капитал МГИМО: системный подход в исследованиях, включение методов сравнительного анализа, а также комплексная подготовка специалистов, способных работать в различных форматах – от традиционных двусторонних переговоров до многосторонней дипломатии в условиях глобальной турбулентности.

Отдельно рассматривается роль МГИМО в становлении отечественных школ международных исследований. Университет предстаёт как лаборатория, синтезирующая передовые научные подходы с практическими нуждами государства. Делается вывод, что благодаря институциональной гибкости, тесной связи с государственными структурами, широкой линейке научных школ и последовательному расширению международных контактов, МГИМО сохраняет роль национального лидера в сфере подготовки дипломатов и проведения международных исследований.

Ключевые слова: Московский государственный институт международных отношений; Лазаревский институт восточных языков; дипломатия; дипломатическая школа

14 октября 2024 г. в Большой зал Московской консерватории им. П.И. Чайковского пришли люди, для которых МГИМО – важнейшее событие и очень памятный период в жизни. В стенах, возведённых ещё Василием Баженовым, царила атмосфера сопричастности. Мы вспоминали наших учителей, размышляли о том, что предстоит.

В юбилейный день Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин наградил наш университет орденом Александра Невского, который является небесным покровителем воинов и дипломатов.

Для меня юбилейные и околоюбилейные события стали поводом поразмышлять о прошлом, настоящем и будущем нашего Университета. Вообще, как считают мудрые люди, для руководителя важна способность время от времени отстраниться от текущей повестки. Ничего не решать. Подумать о неактуальном. Такие переключения помогают увидеть в повседневности то, чего не видят или ещё не увидели другие. Полностью переключиться не удалось, но юбилей стал хорошим поводом, чтобы посмотреть в прошлое из дня сегодняшнего. Каждое поколение задаёт свои вопросы минувшему, оценивает его по своим критериям. На первый план выступают события и обстоятельства, которым не придавалось особого значения. И современные реалии начинаешь воспринимать по-иному.

Рождение невозможного

Создание Института международных отношений зачастую вырывают из сложного исторического контекста. Если начать с 1944 г., мы не сможем уяснить себе, как вообще удалось запустить и успешно реализовать этот странный проект. Поэтому открутим колесо Истории ещё на несколько десятилетий.

Идея построить дипломатическую школу как высшее учебное заведение, а не как институт пере-квалификации или до-квалификации, не так очевидна, как это может показаться. Практически во всех странах есть некое учебное заведение (или факультет), которое занимается «переквалификацией» в дипломаты специалистов из других сфер деятельности. Так сказать, даёт второе высшее. Многое здесь зависит от национальной традиции формирования государственной службы.

В прошлом для зачисления на дипслужбу зачастую не требовалось даже дополнительного образования. Так, в Российской империи не было специально-го учебного заведения, где бывшие выпускники, например, Императорского училища правоведения или Московского университета приучивались к дипломатической деятельности. Они *уже* имели блестящее образование. Да и карьера дипломатическая по тогдашним меркам не всегда считалась особенно привлекательной.

Впрочем, было одно исключение – Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, имевшее целью «образование драгоманов для российских миссий и консульств на Востоке». Выпускники Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Восточного института во Владивостоке, а также спецклассов Лазаревского института восточных языков сразу по их окончании, как правило, не были способны к дипломатической службе. В Учебном отделении при Азиатском департаменте осуществлялась их «доводка». Характерно, что питомцев Лазаревского института, продолжателем которого является МГИМО (См. Торкунов 2015; Главы из истории... 2021), отличала именно практикоориентированность. В итоге 30% поступивших на это отделение за все годы его существования составили выпускники Лазаревского института.

Потребностями в совершенствовании обучения восточным языкам было мотивировано проектирование принципиально нового для русской дипломатии – Дипломатического института. Парадоксально, но к рассмотрению соответствующих проектов подошли лишь в мае 1917 г., когда возможность их реализации приближалась к нулю. Тогда была образована специальная комиссия по учреждению Дипломатического института.

Считается, что первым в мире университетом, где молодые люди, получившие только среднее образование, изучали международные отношения, является университет уэльского города Аберистуит (*Aberystwyth University*), в котором в 1919 г., вскоре после окончания Первой мировой войны, была основана Кафедра международной политики. В том же 1919 г. в Джорджтаунском университете в США была открыта Школа зарубежной службы (*School of Foreign Service*) с бакалаврской и (с 1921 г.) магистерской программами, которая в последующем стала развиваться как флагманское подразделение университета, ориентированное на реализацию передовых образовательных программ (с упором на магистратуру), междисциплинарных исследований в области международных отношений и внешней политики и подготовку к дипломатической службе тех, кто уже имеет высшее образование. Аналогичная логика была положена в основу Института зарубежной службы (*Foreign Service Institute*), учреждённого в 1947 г. в системе Госдепартамента США. Формат же подготовки дипломатов из вчерашних школьников впоследствии не получил широкого распространения в мире.

В России после 1917 г. было фактически ликвидировано университетское и гимназическое образование. Многие из носителей высокой культуры либо покинули страну, либо погибли. Тем не менее новая власть стремилась к установлению и поддержанию дипломатических сношений с иностранными государствами. Требовались и соответствующие кадры. Сейчас довольно трудно представить, как выглядел тогдашний Народный комиссариат иностранных дел. Нарком Г.В. Чичерин незадолго до своей отставки в 1930 г. в письме И.В. Сталину дал характеристику нравов, царивших в советских ведомствах, связанных

с реализацией внешней политики. Он резко критиковал практику замены старых кадров, имевших непролетарское происхождение, новыми «дипломатами»: «Втискивание к нам сырого элемента, в особенности лишённого внешних культурных атрибутов [...], крайне затрудняет не только дозарезу необходимое политически и экономически развитие новых связей, но даже сохранение существующих, без которых политика невозможна» (Эрлихман 2022). Чичерин констатировал и неудачу попыток подготовить дипломатов из пролетариев, окончивших Факультет общественных наук МГУ, а также некие специальные курсы¹. В 1920–1930-е гг. многочисленные попытки создать в советской Москве подобие дипломатической школы либо проваливались, либо давали очень ограниченные результаты.

Всё изменила Вторая мировая война. Советский Союз стал мировой державой. Требовалось многократное расширение штатов дипломатической службы. Но откуда взять столько дипломатов, которые были бы и идеологически подкованными?

Для того чтобы лучше понять феномен Института международных отношений, важно рассмотреть три кейса: 1) кейс Высшей дипломатической школы, где осуществлялась переквалификация успешных специалистов из других сфер деятельности; 2) учреждение в крупных городах РСФСР мужских и женских школ-десятилеток, что, по сути, было попыткой возрождения гимназического образования в масштабах, сопоставимых с Российской империей; 3) создание Физико-технического факультета МГУ и последующее его преобразование в Московский физико-технический институт.

Даже далёким от дипломатии людям известно имя Анатолия Фёдоровича Добрынина, который почти четверть века представлял интересы Советского Союза в Соединённых Штатах Америки. Он окончил Московский авиационный институт и был одним из наиболее перспективных инженеров КБ Яковлева. В 1944 г. ему пришлось изменить жизненную траекторию и пойти учиться в Высшую дипломатическую школу. Как писал он в своих мемуарах, это был «сталинский призыв» в дипломатию: первый курс ВДШ состоял из молодых инженеров, преимущественно авиационной промышленности (Добрынин 2023). Несколько десятков перспективных молодых специалистов из самых разных сфер деятельности тогда были успешно переквалифицированы в дипломаты. Однако и сама идея, и методы её осуществления носили чрезвычайный характер и не могли применяться из года в год.

---

¹ Г.В. Чичерин имел в виду Курсы для руководящих работников, которые были созданы в 1930 г. и из которых впоследствии выросла Высшая дипломатическая школа, нынешняя Дипломатическая академия, учебное заведение, в задачи которого в советский период входили повышение квалификации кадровых дипломатов и переквалификация в дипломаты партийных, советских и хозяйственных работников.

В 1943 г. было принято решение создать в крупнейших городах РСФСР мужские и женские школы-десятилетки. Впоследствии часть таких школ была переведена на преподавание некоторых предметов на иностранных языках. Это была попытка вернуть утраченный после революции гимназический уровень образования. В тот период колоссальный культурный, образовательный потенциал, который генерировала дореволюционная российская школа, ещё продолжал питать советское государство и советское общество. Люди, успевшие окончить классическую гимназию, выглядели настоящими титанами. Они свободно говорили на двух-трёх языках, их познания в науке, литературе, музыке, живописи, архитектуре, казалось, не имеют границ. К сожалению, качественное решение этой громадной задачи Советскому Союзу оказалось не по силам. В стране уже не было необходимого количества образованных людей, которые могли бы преподавать в таких школах-десятилетках. К 1953 г. этот проект зашёл в тупик.

10 марта 1946 г. было принято постановление СНК СССР «Об организации Высшей физико-технической школы СССР». В её правление должны были войти академики С.И. Вавилов, П.Л. Капица, А.И. Алиханов, И.В. Курчатов, Н.Н. Семёнов. Ответственным был назначен секретарь ЦК Г.М. Маленков. За пять дней до этого У. Черчилль выступил с Фултонской речью. И в известном смысле решение об организации физико-технической школы было ответом на брошенный вызов.

Физико-технический факультет имел в МГУ небывалые привилегии – и в части материального обеспечения, и в отношении права отбора лучших студентов. Но предложенная академиками система Физтеха шла вразрез с господствовавшими тогда тенденциями, и руководству МГУ всё же удалось выдавить из себя столь инородное тело. 17 сентября 1951 г. Совет министров СССР предписал Министерству высшего образования преобразовать Физико-технический факультет МГУ в Московский физико-технический институт, с сохранением специфики учебного процесса и правил приема студентов (Карлов 2000).

Сопоставляя три этих сюжета с историей становления Института международных отношений, убеждаешься, что успех нашего кейса был вовсе не гарантирован. Вероятно, сыграло свою роль то обстоятельство, что открытый в 1943 г. как факультет МГУ будущий МГИМО территориально находился вне этого огромного учреждения, а год спустя отделился от него и юридически. Это позволило очень маленькому тогда учебному заведению сформировать свои правила организации учебного процесса и собственные «правила жизни». Конечно, у него был сильный лоббист – нарком В.М. Молотов. А рядом были соавтор Устава ООН С.Б. Крылов и знаменитый историк Е.В. Тарле. Ключевым же фактором, обеспечившим жизнеспособность нашего института в самые первые годы, стало наложение интересов НКВД / МИД СССР, других внешнеполитических ведомств и заинтересованности в ИМО целого ряда наиболее

влиятельных представителей академической элиты, консультировавших внешнеполитическое ведомство и имевших возможность оперативно реагировать на наши проблемы и нужды.

Очень многое зависело от преподавателей и студентов, с которых начиналась история нашего уникального университета. Это были совсем другие люди – не те, о ком Чичерин в 1930 г. раздражённо писал Сталину. Вошедшее к началу Великой Отечественной войны в пору взросления новое поколение идеологически было вполне марксистским, но при этом содержало ощутимую долю молодых людей, страстно тянувшихся к знанию, к высокой культуре.

В 1931 г. из Московского государственного университета был выделен самостоятельное учебное заведение Московский институт философии, литературы и истории, ИФЛИ. В декабре 1941 г., в эвакуации в Ашхабаде, все факультеты ИФЛИ были возвращены в состав МГУ. Знакомство с происходившим в стенах ИФЛИ в течение десяти лет, возможно, даст пищу для понимания того, чем на человеческом уровне был Институт международных отношений в первые годы своей истории и почему он вообще состоялся (См.: Лунгина 2022). Дело в том, что немало преподавателей нашего ИМО ранее работали или учились в ИФЛИ. А обрести уверенность в своих силах этим совсем ещё молодым людям помогали вчерашние фронтовики – вплоть до 1955 г. в институт поступали те, у кого за плечами был фронт.

Синергия как образ жизни

Впрочем, появление качественно нового поколения было важным условием, но не причиной того, что МГИМО в конечном счёте состоялся. Как принято говорить в таких случаях, не было счастья, да несчастье помогло. В отличие от старых московских гимназий советская школа была не в состоянии дать выпускникам свободного владения иностранными языками. Нужен был специальный механизм погружения в них, чуть ли не с самых азов. В МГИМО до половины учебного времени занимали (отнимали?) языки. Да и сегодня на основных факультетах эти пропорции не сильно изменились. Как строить учебные планы по всем остальным предметам? Как втиснуть в жёсткие временные рамки те академические курсы по истории, праву, экономике, философии, литературе, которые в своей совокупности и формируют университетское образование?

Первый ответ дали титаны, на чьих плечах выросли научные школы МГИМО. Это и выпускник Первой Московской гимназии Иван Дмитриевич Удальцов, это Георгий Павлович Францов, третий *директор* ИМО, это Евгений Викторович Тарле и Сергей Борисович Крылов, это выдающийся арабист Харлампий Карпович Баранов, это приват-доцент Императорского Московского университета Всеволод Николаевич Дурденевский... Они задали высокую, в тогдашних

реалиях – почти недостижимую, планку. Очарованные их интеллектуальным «уровнем», студенты стремились стать похожими на своих учителей. Грань между учебным и внеучебным временем стиралась...

И ещё один секрет МГИМО. Мы начинали с очень маленьких форматов. Даже в мои студенческие годы деление на факультеты и курсы было довольно условным. Все общались со всеми. И если бы кому-то захотелось замкнуться внутри своей специальности, у него все равно не получилось бы. С самого рождения синергия стала образом жизни МГИМО.

Возможно, в первые годы такой синергии способствовала и тенденция к универсализму, характерная для советских внешнеполитических ведомств где-то до середины пятидесятих годов. Об этом можно что-то понять из мемуаров Валентина Михайловича Фалина (Фалин 1999), выпускника МГИМО 1950 г., и из документального фильма о нём «Тайны кремлевских протоколов». Фалин вспоминает о Комитете информации, где под одной крышей оказалось очень много всего...

Конечно, МГИМО не был подводной лодкой, которая в автономном плавании совершает свой поход. И кому как не мне, успевшему побывать и секретарем комитета комсомола, и помощником ректора, и деканом, и проректором, не знать, как сильно институт зависел от разнообразных тенденций – и в МИДе, и в «аппарате» в целом. И это в семидесятые и восьмидесятые. Что говорить о более ранних временах, когда внутренним реорганизациям МГИМО, казалось, не будет конца... Но синергетический механизм работал всегда. Именно у нас начало складываться отечественное лингвострановедение, одним из основоположников которого стала профессор Людмила Георгиевна Веденина, которая и поныне является важнейшим сотрудником Кафедры французского языка.

Был в нашей биографии и такой особенный этап, к которому тоже применима формула о счастье и несчастье, – девяностые годы. Суть той переходной эпохи хорошо уловил Алексей Демосфенович Богатуров в небольшом очерке, посвящённом моей персоне, в самом первом номере журнала «Международные процессы» в 2003 г. В те годы мы вышли за рамки ведомственного учебного заведения, сохранив при этом свою изначальную мидовскую идентичность. Огромная заслуга здесь принадлежит Ивану Георгиевичу Тюлину, который на протяжении полутора десятилетий был моим первым замом. В девяностые годы, когда хлеб российского учёного был горек, Иван Георгиевич привлёк в наш университет целую плеяду блестящих профессоров, которые вместе с автохтонными мгимовцами образовали новое качество интеллектуальной среды. С этого момента в российской столице у МГИМО нет конкурентов по концентрации интеллекта на единицу площади.

Одним из двух ключевых субстратов коллективной идентичности МГИМО является юриспруденция. Будучи политологом и историком, в своей ректорской повседневности я ощущаю присутствие мышления иного типа, когда

в правовую логику вплетено понимание политических обстоятельств и когда политическая целесообразность *естественным образом* интегрирована в рассуждения о праве. Такая синергия была у нас всегда – даже в отсутствие в течение многих лет в структуре института Международно-правового факультета. Это началось ещё с Дурденевского. Это продолжалось первым деканом возрождённого МП-факультета Фёдором Ивановичем Кожевниковым и его преемником – профессором Игорем Павловичем Ильинским, чьими человеческими качествами и титаническими усилиями факультет был воссоздан. Сегодня совсем ещё молодые профессора МП подпитывают Университет своей экзистенциальной исполненностью. Если попытаться ответить на вопрос, что объединяет юристов-международников МГИМО, в чём их родовая особенность, ответ приходит сам собой: их настрой на государственное служение.

Равновеликим юриспруденции субстратом МГИМО является востоковедение. Мы ведём свою биографию в том числе от уже упомянутого Лазаревского училища восточных языков и от его преемника – Московского института востоковедения². Эта школа «проросла» в современном МГИМО двумя системными свойствами. Во-первых, ориентацией на подготовку практиков, а не теоретиков. Во-вторых, определением направления развития не по начальственному предписанию, а по инициативе самих профессоров и преподавателей, исходя из нашего общего понимания интересов России. Конечно, мы стремимся в максимальной степени соответствовать требованиям и правилам, которые задают высшим учебным заведениям органы государственной власти. Но, как и когда-то Лазаревский институт, мы сами определяем программы и стандарты образования, открываем специальности, потребность в которых только формируется.

Недавно мне довелось выступить с докладом о роли исторического анализа в востоковедении на Отделении глобальных проблем и международных отношений РАН. Состоялась оживлённая дискуссия о методах постижения прошлого и настоящего в различных культурах. МГИМО ориентирован на то, чтобы его выпускники, овладевшие восточными языками, были способны эффективно коммуницировать с представителями других, зачастую очень далеких от нас, культур и даже смотреть на мир их глазами. При этом свою практикоориентированность мы стремимся компенсировать тесным взаимодействием с фундаментальной наукой, в том числе через консорциум с Институтом востоковедения РАН.

Когда элиты Западного мира сочли, что они более не заинтересованы в России, в сотрудничестве с нею, от МГИМО потребовалось лишь количественно нарастить свои усилия на восточных направлениях. Мы всегда стремились

---

² Здесь следует оговорить, что в Институте стран Азии и Африки при МГУ тоже считают МИВ своим предшественником.

обеспечивать комплексное изучение всего Земного шара. Наши страноведческие и регионоведческие школы, в том числе языковой подготовки, являются надёжной базой российской внешней политики.

Степени нашей свободы

Выше я коснулся различий между МГИМО советским и МГИМО дня сегодняшнего. Сейчас даже трудно вообразить, какие подвиги надо было совершить, чтобы открыть в советском МГИМО, например, научную лабораторию. В 1975–1976 гг. ректор Николай Иванович Лебедев выступил с инициативой учредить знаменитую впоследствии «Проблемку» – Проблемную научно-исследовательскую лабораторию системного анализа в области международных отношений. Его сподвижником в этом деле стал заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Совете министров СССР Джермен Михайлович Гвишиани, впоследствии академик АН СССР. После того как идея была поддержана руководством МИД, соответствующие предложения за подписью заместителя министра иностранных дел были направлены министру высшего и среднего специального образования СССР. Параллельно другой заместитель министра согласовал параметры будущей лаборатории с председателем ГКНТ. Он же запрашивал согласование у заместителя главного учёного секретаря АН СССР, который в свою очередь заручился согласием заместителя директора Института США и Канады. И только после всего этого коллегия ГКНТ решила согласиться с предложением МИД и создать в МГИМО лабораторию, а Николай Иванович издал соответствующий приказ по МГИМО. Параллельно МИД ещё согласовывал с Минфином СССР первую категорию оплаты труда научных работников. На всё ушло четырнадцать месяцев... (Аналитика МГИМО... 2016: 91–130). И впоследствии Д.М. Гвишиани патронировал «Проблемку». Так, он обеспечил возможность использовать простаивавшую в ночное время компьютерную технику одного из секретных институтов, располагавшуюся в храмовом здании в районе Арбата.

Из сегодняшнего дня эта история воспринимается как сюжет антиутопии. Мы давно сами решаем, какие подразделения открыть, а какие ликвидировать. Мы сами формируем содержание учебных программ. Мы сами присуждаем учёные степени. Являясь автономным образовательным учреждением, мы можем достаточно свободно распоряжаться имеющимися ресурсами.

Далеким прошлым сейчас кажутся и те годы, когда МГИМО, как и вся страна, «открывался рынку». Создание в 1992 г. Факультета международного бизнеса и делового администрирования было тогда для нас как выход в открытый космос. В том же году факультет выиграл тендер на участие в образовательном проекте по линии программы *TEMPUS-TACIS*. Сегодня об этом вспоминаешь уже с некоторой иронией.

На хрупкие плечи Ирины Викторовны Герчиковой и Раисы Борисовны Ноздревой легла задача подготовить небывалые на русском языке – чуть ли не со времен Московского коммерческого института – учебные программы и написать такие учебники, в которых ушедшая вперёд за годы советской власти наука управления корреспондировала с тем, что происходило тогда за стенами МГИМО. В соответствии с потребностями новой эпохи приводилось и преподавание более традиционных курсов – внешнеэкономической деятельности, междunarодных транспортных операций, торгового дела и других. Принципиально новым для МГИМО стало направление экологии.

И теперь Университет чутко откликается на потребности реальной экономики, в том числе в её идейной «рефлексии». Воспринимая МГИМО как надёжного субъекта, способного посмотреть на твой бизнес сквозь призму собственных традиций и корпоративной культуры, капитаны реального сектора идут на стратегическое партнёрство с нами, преследуя, в первую очередь, цель подготовки кадров.

Первенствующую позицию здесь традиционно занимает Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП), с которого в МГИМО началась практика учреждения базовых кафедр крупных корпораций. На МИЭПе сейчас это кафедры ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ПАО «ГМК «Норильский никель» и базовая кафедра Газпромбанка.

Ещё в 2008 г. на Факультете международного бизнеса была открыта базовая кафедра «Ростеха» – Кафедра международного военно-технического сотрудничества и высоких технологий. За минувшие полтора десятка лет удалось решить задачу укомплектования специалистов начального звена в самой корпорации и в «Рособоронэкспорте», ведётся комплектование молодыми специалистами холдинговых компаний «Ростеха».

Своего рода фазовым переходом во взаимодействии с реальным сектором стало создание в 2019 г. базовой кафедры Министерства сельского хозяйства России «Международные аграрные рынки и внешнеэкономическая деятельность в агропромышленном комплексе». Кафедра встроена в структуру Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО, одного из самых эффективных наших подразделений. Открылись сразу три направления: программа профессиональной переподготовки «Атташе по вопросам сельского хозяйства», программа МВА «Мировые аграрные рынки и внешнеэкономическая деятельность компаний АПК» и первая в России магистерская программа по подготовке кадров в сфере управления «Мировые аграрные рынки».

Как бы ни был ценен (во всех смыслах) опыт, накопленный нами в процессе реализации такого рода партнёрств, каждое из них – в силу значительного масштаба другой стороны – является для МГИМО опытом своего рода сервисной деятельности. Но именно он дал нам точки опоры для инициирования многочисленных сетевых образовательных программ с партнёрами иного формата.

Инвестиционный капитал для таких проектов, как правило, предоставляет государство. МГИМО вошёл в крупнейшую за все постсоветские годы госпрограмму поддержки университетов, их стратегического лидерства в развитии отраслей и территорий – «Приоритет 2030». Один из наиболее продвинутых проектов – Институт мировых аграрных рынков: в сотрудничестве со Ставропольским и Кубанским аграрными университетами в 2024 г. открылся набор на бакалаврские программы, с Оренбургским государственным университетом – на программу повышения квалификации в сфере аграрного экспорта. Ещё один сетевой проект связан с развитием территорий туризма. Бакалавриат и магистратура по туризму реализуются сразу на двух площадках – в Сочи и Москве.

Партнёры для сетевых программ подбираются в логике взаимодополнения. Так, открыта магистратура МГИМО по минерально-сырьевым рынкам совместная с Московским горным институтом (частью университета МИСиС). Программа по развитию и использованию искусственного интеллекта запускалась с МФТИ. Действуют две программы двойного диплома: с Морским университетом им. Г.И. Невельского – по международным транспортным операциям, логистике и торговле в Тихоокеанской зоне; с Новосибирским государственным университетом экономики и управления – программа, объединяющая юриспруденцию и торговое дело применительно к рынкам Северо-Восточной Азии.

Уникальна магистерская программа «Психология управления и социальных коммуникаций», запущенная нами с привлечением широкого круга психологов-практиков из МГУ и целого ряда профильных институций. Программа нацелена на подготовку психологов для сферы управления и бизнеса, понимающих глубинные механизмы развития личности, способных действовать в кризисных ситуациях и сопровождать реализацию проектов в управлении и бизнесе. В существенной степени на это ориентированы и программа дополнительного образования «Нейротехнологии и искусственный интеллект в бизнесе», и новая магистерская программа «Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях» в партнёрстве с Факультетом психологии МГУ.

В течение многих лет мы с большой осторожностью относились к предложениям о шефстве над общеобразовательными школами. Только превратившись в действительно открытую систему, МГИМО позволил себе развиваться и в этом направлении. С 2016 г. в структуре нашего Одинцовского филиала работает Горчаковский лицей. В Ташкенте, на базе узбекского филиала, – лицейские классы. В 2023 г. Университет стал оператором школы для детей работников строящейся в Турции атомной станции. Эта деятельность развёртывается в рамках реализации стратегического проекта «Русская международная школа», финансируемого из средств программы «Приоритет 2030».

Разумеется, такое многообразие требует уровня менеджмента, какого в МГИМО не было никогда. Но это – вполне разумная плата за пороговое расширение степеней свободы, обрётённой нами в 90-е гг.

Профессия международник

Слово «международник» довольно странно звучит в мире с проницаемыми границами. Оно так приклеилось к выпускникам и людям МГИМО, что уже и не задумываешься, в чём его суть.

Для Факультета международных отношений, по сей день определяющего идентичность МГИМО, базовую совокупность профессиональных знаний составляют разнообразные курсы истории и иностранные языки. Вновь повторяю, языки забирают очень много учебного времени. История же преподаётся более компактно, чем на исторических факультетах классических университетов. При изучении истории, а также разнообразных страноведческих дисциплин делается акцент на синхронизации исторических событий и процессов, на ситуациях принятия решений, на обучении использованию исторических источников в политической полемике. Всё это способствует формированию у наших студентов исторического сознания, то есть восприятия всего и вся в историческом контексте.

Следующий уровень становления международника – это погружение в начала теории международных отношений, с одной стороны, и освоение навыков ситуационного анализа – с другой. И то, и другое теснейшим образом переплетено с людьми МГИМО, с историей нашего университета.

Примечательно, что «цифровая революция», в которой мы стремимся держаться в первых рядах, не является для МГИМО только современным феноменом. Уже в 70–80-е гг. минувшего века аналитики Проблемной лаборатории с переменным успехом использовали математические методы в международно-политическом анализе. Тогда эти разработки фактически зашли в тупик – слишком велики оказывались рутинные трудозатраты высококвалифицированных сотрудников, чтобы на выходе получалось нечто действительно полезное. И сегодня Институт международных исследований – подразделение МГИМО, чьим приоритетным направлением являются прикладные исследования, – основную часть своей аналитической продукции производит, опираясь на традиционные методы анализа.

...Лишь немного упрощая, приходишь к выводу, что знание, преподаваемое и получаемое в МГИМО, в конечном счёте обеспечивает его носителю – международнику – способность к более качественной, результативной коммуникации. Содержание и вектор этой последней могут быть самыми разными.

Заключение

Много лет назад небольшому кругу талантливых людей удалось создать нечто небывалое – институт подготовки дипломатов из вчерашних школьников. На следующем крутом повороте истории камерная, элитарная дипломатическая школа реализовала шанс для вызревания в полноценный – и уже не только гуманитарный – университет.

Что именно будет с МГИМО через двадцать лет, нам знать не дано – технологий подобного прогнозирования не существует. Восемьдесят прошедших лет продемонстрировали нашу устойчивую жизнеспособность. Высокие коммуникативные характеристики обеспечивают её не только отдельным личностям.

Уверен, будущий МГИМО останется важным субъектом российского общества, надёжной опорой нашего государства.

Об авторе:

Анатолий Васильевич Торкунов – доктор политических наук, академик РАН, ректор МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID ID: 0000-0001-7352-3345.
E-mail: rectorat@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 378.4(470+571):327(470+571)

Received: November 15, 2024

Accepted: January 10, 2025

MGIMO Phenomenon Post-Anniversary Notes

 A.V. Torkunov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21)

MGIMO University

Abstract: This article provides an analysis of MGIMO as a unique phenomenon in the realm of diplomatic education and international relations research. The author identifies the key factors that have shaped the university's distinctive status, spanning from its historical founding to the modern challenges it faces. Emphasizing its roots in the traditions of the Lazarev Institute of Oriental Languages, the article demonstrates how MGIMO successfully integrates fundamental humanities disciplines, intensive foreign language instruction, and the practical skills essential for real-world diplomacy.

Particular attention is given to the institutional mechanisms that have enabled the university not only to survive but also to flourish in spite of ideological constraints and political upheavals. The study examines the factors contributing to MGIMO's academic environment and intellectual capital, including a systemic approach to research, the use of comparative analysis methods, and a comprehensive training program for specialists adept at working in diverse settings – from traditional bilateral negotiations to complex multilateral diplomacy in an era of global turbulence.

The article also highlights MGIMO's role in shaping Russia's schools of international studies. The university emerges as a laboratory that synthesizes cutting-edge scholarly approaches with the practical needs of the state. It concludes that, owing to its institutional flexibility, close cooperation with government bodies, a broad range of research schools, and a steady expansion of international partnerships, MGIMO continues to serve as a national leader in preparing diplomats and advancing international research.

Keywords: Moscow State Institute of International Relations, Lazarevsky Institute of Oriental Studies, diplomacy, diplomatic school

About the author:

Anatoly V. Torkunov – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of RAS, Rector, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID ID: 0000-0001-7352-3345. E-mail: rectorat@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Analitika MGIMO. 40 let: 1976–2016* [MGIMO Analytics. 40 Years: 1976–2016]. 2016. Moscow: MGIMO. 130 p. (In Russian).
- Dobrynin A.F. 2023. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA* (1962–1986 gg.). [Strictly Confidential. Ambassador to Washington under Six US Presidents]. 3 ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 712 p. (In Russian).
- Erlikhman V.V. 2022. Gospodin narkom [Mr People's Commissar]. *Istoriik*. 11(95). URL: <https://istorik.rf/journal/post/6927> (accessed 12.11.2024) (In Russian).
- Falin V.M. 1999. *Bez skidok na obstoyatel'stva: Politicheskiye vospominaniya* [No Circumstances Discounts; Political Memoires]. Moscow: Respublika. 464 p. (In Russian).
- Glavy iz istorii moskovskogo vostokovedeniya. Lazarevskiy institut – Moskovskiy institut vostokovedeniya – MGIMO* [Chapters from the History of Moscow Oriental Studies. Lazarev Institute – Moscow Institute for Oriental Studies – MGIMO]. 2021. Pod obshch. red. A.V. Torkunova. Moscow: Aspekt Press. 384 p. (In Russian).
- Karlov N.V., Kudryavtsev N.N. 2000. K istorii elitnogo inzhenernogo obrazovaniya [On the History of Elite Engineering Education] *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 70(7). P. 579–588. (In Russian).
- Lungina L.Z. 2022. *Podstrochnik. Zhizn' Lilianny Lunginoy, rasskazannaya yeyu v fil'me Olega Dormana* [Interlinear Translation. The Life of Lilianna Lungina, told in Oleg Dorman Movie]. Moscow: AST, Corpus. 374 p. (In Russian).
- Torkunov A.V. 2015. Lazarevskiy institut vostochnykh yazykov v kontekste istorii vostokovedeniya [The Lazarev Institute: Cradle of Russian Oriental Studies]. *Polis. Political Studies*. №6. P. 9–22. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аналитика МГИМО. 40 лет: 1976–2016. 2016. Москва: МГИМО. 130 с.

Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. 2021. Под общ. ред. А.В. Торкунова. Москва: Аспект Пресс. 384 с.

Добрынин А.Ф. 2023. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.).* 3-е изд. Москва: Международные отношения. 712 с.

Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. 2000. К истории элитного инженерного образования. *Вестник Российской академии наук.* 70(7). С. 579–588.

Лунгина Л.З. 2022. *Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана.* Москва: АСТ, Corpus. 374 с.

Торкунов А.В. 2015. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения. *Полис. Политические исследования.* №6. С. 9–22.

Фалин В.М. 1999. *Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания.* Москва: Республика. 464 с.

Эрлихман В.В. 2022. Господин нарком. *Историк.* 11(95). URL: <https://историк.рф/journal/post/6927> (дата обращения: 12.11.2024)